

Здесь возможна параллель между «Войной» и «Россией, кровью умытой» Артема Веселого, открывающейся «словом рядового солдата Максима Кужеля», выходящего на турецком фронте, когда началась революция 1917 года.

«Бог ты наш, бог солдатский, нечесаный, немой... И куда ты, бог, мать твою испорченную, некачанную, невороженую, куда ты подевался и бросил нас, как плохой пастух овец своих? Зачем ты сползнула нас на растерзанье злой судьбе и зачем ты, вшивый солдатский бог, не жалеешь нашей горькой солдатской жизни?»

Вот с таких обращений к «вшивому солдатскому богу» одурманенного лишением войны и режимом царской армии сознания начинает Максим Кужель рассказ о событиях 1917 и 1918 годов, в течение которых он, Максим Кужель, превратился в красного партизана, в сознательного большевика, а затем — в борца за регулярную Красную армию. В конкретности переходов различных состояний сознания, без приукрас, без фальши и схематизма, вся убедительность «слова Кужеля».

Собственно «Россия» в основной своей части была написана и опубликована в предшествующие годы. На романе стоит дата: «1923—1932». Мы скажем «на романе», хотя на главном листе напечатано: «Роман в два армяла. Фрагменты». В этом сказывается большая творческая добросовестность

и культура труда Артема Веселого. На протяжении десяти лет он продолжает отбрасывать это свое фундаментальное произведение¹⁾, отбрасывая одни «фрагменты» и добавляя другие, десятки раз взвешивая каждое слово и отбирая каждую интонацию, давая ряд вариантов одной и той же страницы. А в итоге мы имеем настоящий роман, еще не во всем законченный, кое в чем фрагментарный, но уже превратившийся в произведение, где нет ничего лишнего, чтобы не соответствовало основному заданию произведения.

Только прочитав с начала и до конца «Россию» (а роман читается медленно, потому что в нем весомо каждое слово), можно получить представление о могучей стихийной силе выразительности языка Артема Веселого. Только слив различные варианты эпизодов, можно понять, как много организованного труда вложено в это произведение. Особенно заметно в «России» различие языковых струй. В романе — два «крыла»: одно — кубанское, другое — заволжское. Один словарь, одна закономерность в подборе средств словесного выражения господствует во «фрагментах», посвященных рассказу Кужеля о возвращении с фронта на Кубань, другие — в посвященных Кубани 1918 года, третьи — в посвященных заволжскому городку Ключкину, четвертые — в посвященных заволжской деревне, пятые — в рисующих белую армию. Тысячи эпизодических фигур не сливаются в одно сплошное пятно, они даны в их характерности и неповторности. В памяти (если например взять

плача с привизгом, поплелась за чело-векон, который понес ее ребенка. Долго она оглядывалась, останавливалась, как бы намеревалась повернуть назад»); в ковыляющий, припадая на ногу, кивает («по груди крест-накрест пулеметные ленты, на ремне через плечо ящик с полевым телефоном, в руках по винтовке, подмышками зажато (по пучку соломы. За ним, не спуская с соломы налитых тоскою глаз, как тени, качались и брели брошенные хозяевами две худеющие клячи»). И так во всех эпизодах — солдаты, едущие с фронта, партизаны, комбедчики, кулаки, клоквинские коммунисты, белогвардейцы, второстепенные персонажи и основные, и среди них — Кужель, матрос Василий Галаган, анархистствующий атаман Иван Черноярлов, секретарь клоквинского партийного комитета Павел, — все действующие лица «России» даны отчетливо и выпукло, дана их тугая, делающаяся все более осмысленной философия жизни.

Тема «России» — это тема стихийной революции в мелкобуржуазной деревне в первые годы революции. Как же разрешает эту тему Артем Веселый? И здесь нужно прямо сказать автору-коммунисту, что в разрешении темы (весь роман еще не окончен) его подстерегают большие опасности, что им совершены крупные ошибки. В «России» видно, как мучительно дается автору переход от изображения стихийности к изображению сознательности, от деревни — к городу, от партизанщины — к Красной армии. В какой-то мере конфликт между стихийностью и сознательностью, между партизанщиной и Красной армией автор носит в самом себе, полностью еще его не преодолев. Вот например образ Ивана Черноярлова. Иван — сын кулака. Отщепенец в своей семье, он уходит добровольцем на царский фронт и оттуда возвращается, принеся в себе горькую рану забываемых страданий солдатской массы и озлобление против эксплуататорских классов. Иван становится вождем крупного партизанского отряда. царская революция противопоставляет начало организованности, когда начинает возникать Красная армия в борьбе с партизанщиной, — Иван Черноярлов оказывается препятствием на пути революции, с ним начинается борьба, и, оказавшись между двумя жерновами, Иван Черноярлов погибает от рук белогвардейцев.

Правдива ли, типична ли, характерна ли такая история в ее общих очертаниях? Да. Но посмотрите, как ее конкретно расшифровывает автор, какие детали сопровождают ее, каково отношение к Черноярлову Веселого. В красных частях, отступающих на Астрахань с Кубани, — элементы деморализации, в отряде Черноярлова — относительный порядок. Против Черноярлова готовится решающий удар — Черноярлов сам, добровольно, с горсточкой соратников покидает отряд, попадая затем в плен к белым и погибая там геройской смертью.

Так заканчивается Черноярловский «фрагмент». Нет, Черноярлов не был «сумасбродным ватажком». Ведь смысл борьбы с партизанщиной заключался в утверждении и закреплении руководящей роли пролетариата в вооруженной защите революции. В тех конкретных условиях, о которых идет речь в «России», партизанщина становилась знаменем кулацкой контрреволюции, к этому же пришел и Черноярлов. Думается нам, Максим Кужель приподнял чарку за «сумасбродного ватажка» не без прямого соучастия Веселого.

Мы не хотим этим сказать, что Веселый в «России» выступает защитником кулацкой партизанщины. Вред, приписанный ему, раскрыт в книге, но раскрыт это автор, жалеючи, так сказать, черноярловщину. Рабочий-ударник С. Сидоров в книге, которую мы разберем ниже, пишет: «Дело запрещало всякую жалость. Настоящий революционер должен бояться этой подлой жалости, как измены». Вот такого большевистского акцента и нехватает иной раз Артему Веселому. И здесь голос Веселого начинает политически фальшивить. В его позиции исчезает твердость, устойчивость.

С этим связана и другая особенность «России». В ней нет ни одного художественно слабого «фрагмента». Но наибольшей художественной силы Артем Веселый достигает именно в тех местах, где описывается стихийный размах революции, стихийное нарастание ярости масс, ломка старых устоев, муки, сопровождающие рождение новых форм жизни, вольница, партизанщина, — все то, что нашло свое выражение в сцене, где описывается «митинг со слезами, с музыкой».

Гра
Бра
Вра
Дра
Зра
С кровью
С мясом
С шерстью...

Васька Галаган, ровно из огня, слова хватал: о фронте он говорил прозно, о революции — торжественно, о буржуах — с неукротимой злобой... В углах губ его набивалась пена...

В «России» есть попытка показать перелом в гражданской войне, момент организованного закрепления влияния пролетариата во всех областях жизни крестьянства. Сумеет ли Артем Веселый найти для этого в будущей своей работе над романом ту же богатую палитру красок, какая была у него, когда он писал о партизанщине и о стихийном разливе революции? Это зависит прежде всего от органического продумывания автором коренных проблем нашей революции и прежде всего проблемы гегемонии пролетариата. — от того, сумеет ли он полностью и во всем подойти к революции в деревне с позиций пролетариата.

... (вспоминания с Кубани) остаются
... в малиновых шароварах,
... в тифозном жару рядом с
... трудного младенца, и в
... усталости и болезни «пу-
... свою жизнь»; и
... от усталости
... берущий ребенка
... сняла с себя
... на шею мужу и.

... также отдельным
... А. Веселого «Гуляй Волга»,
... работ.

И вот после того, как красные части про-
рвались к Волге, — «на обрыве, над
Волгой, в ожидании парома сидели в
кругу несколько бойцов. Допивали по-
следний боченок вина, вспоминали ку-
банские станицы, походы и битвы...
Вспомнили добрым словом и сума-
сбродного ватажка Ивана Чер-
ноярова. — Да, почудили! — искорню
вывернулся у Максима вздох. — Уда-
лая голова перестала бала-
вать... Приподнимаем, братцы, наши
чарки да помянем казака...»